ISSN 1561-6274. Нефрология. 2013. Том 17. №6.

© М.М.Парастаева, О.Н.Береснева, 2013
УДК 616:92 Чехов

М.М. Парастаева[1], О.Н. Береснева[1]

«МЕДИЦИНА НЕ МОЖЕТ УПРЕКАТЬ МЕНЯ В ИЗМЕНЕ» (А.П.Чехов)

M.M. Parastaeva, O.N. Beresneva

«MEDICINE CAN'T BLAME ME FOR BETRAYAL»

[1]Научно-исследовательский институт нефрологии Первого Санкт-Петербургского государственного медицинского университета им. акад. И.П. Павлова, Россия

РЕФЕРАТ
Статья посвящена медицинским аспектам в жизни и творчестве Антона Павловича Чехова(1860–1904). А.П. Чехов был не только классиком мировой литературы, но и врачом. В своих произведениях он дал научно оправданное отображение психических и телесных страданий человека, сумел с исключительным реализмом нарисовать внутренний мир тяжелобольного, руководствуясь знаниями и опытом, полученными им в процессе врачебной деятельности.
Ключевые слова: Антон Павлович Чехов, врач и писатель, история медицины.

ABSTRACT
Article is dedicated to medical aspects of life and work of Anton Pavlovich Chekhov (1860–1904). A.P. Chekhov was not only classic of World literature but also a medical doctor. In his writings he gave scientifically acquitted reflection of mental and material sufferings of person, with exclusive realism he drew inner world of seriously ill patient being guided by knowledge and experience received in process of medical practice.
Key words: Anton Pavlovich Chekhov, medical doctor and writer, history of medicine.

Медицина подарила миру много выдающихся писателей – Ф. Рабле, Ф. Шиллера, М. Булгакова, и среди них – А.П. Чехова (рис.1).

Начало творчества Чехова весьма оригинально для русской классической литературы. В литературу он вошел пародиями и юмористическими рассказами – весело, но нельзя сказать, чтобы легко. Первые упоминания его имени в печати дошли до нас в списках отвергнутых редакциями рукописей – в «почтовых ящиках» юмористических журналов. Так, в конце 1879 года среди произведений, которые «не будут напечатаны» в журнале «Будильник», значился рассказ Антоши Чехонте «Скучающие филантропы». Содержание его осталось неизвестным; впрочем, несоответствие двух слов в заглавии выдает иронические намерения автора. Исследователи высказывают предположения, что несколько шуток юного Чехова все же было напечатано, вероятнее всего в московском юмористическом журнале «Будильник», еще в самом конце 1870-х годов, когда он учился в последних классах Таганрогской гимназии. Почему же тогда после окончания гимназии он выбрал медицинский факультет? Биограф писателя, А. Измайлов, пишет по этому поводу следующее: «…это решение, по-видимому, явилось не случайно, оно было обдуманно: еще в списке учеников, удостоившихся аттестата зрелости, в графе – "в какой университет и по какому факультету или в какое специальное училище желаете поступить" – против имени А.П. Чехова значится: "В Московский университет по медицинскому факультету" [1]. Однако в те годы (1870–1880 гг.) многие выпускники гимназий собирались поступать на медицинские факультеты университетов. Сам А.П. Чехов вспоминал, что «...о факультетах имел тогда слабое понятие и выбрал медицинский – не помню по каким соображениям» [2].

В литературе о Чехове иногда отмечают, что медицинская деятельность его тяготила. Однако в автобиографии, составленной по случаю 15-летия окончания Московского университета, сам он сообщал, что в выборе медицинского факультета не раскаивается. Чехову повезло: на медицинском факультете ему довелось слушать корифеев медицины: по терапии – Г.А. Захарьина и А.А. Остроумова, по хирургии – Н.В. Склифосовского, по нервным болезням – А.Я. Кожевникова, по гигиене – Ф.Ф. Эрисмана.

Некоторые биографы писателя высказывают

Береснева О.Н. 197022, Санкт-Петербург, ул. Л.Толстого, д. 17, ПСПбГМУ им. акад. И.П.Павлова, НИИ нефрологии тел. 8(812) 346-39-26

мнение, что Чехов учился в университете посредственно, ничем не выделялся из студенческой массы. Однако этот, своего рода биографический штамп, требует пересмотра. В 1960 году И.В. Федоров опубликовал кураторские карточки Чехова-студента, которые могут служить «беспристрастными свидетелями отношения А.П. Чехова к университетской учебе».[3] «Первый скорбный листок» был заполнен Чеховым на больную крупозной пневмонией. Обращают на себя внимание кратко, но содержательно составленные анамнез и описание объективного состояния больной. Интерес представляет также история болезни молодого человека 19 лет, страдающего неврастенией. В ней отражены условия жизни пациента и его неврологическое состояние. Эту историю болезни подверг анализу проф. Г.И. Россолимо, один из основателей отечественной невропатологии. Он считал, что «история болезни», написанная в свое время крупнейшим русским писателем, «представляет значительный интерес…». Г.И. Россолимо подчеркнул: «Антон Павлович подошел к своей задаче не как заурядный студент – медик; он правда… нанизал материалы элементарного исследования удивительно гладко и аккуратно, проявив в полной мере все качества добросовестнейшего медика ученика. Но там, где надо было описать быт и условия жизни пациента, прикоснуться к обыкновенной человеческой жизни, вскрыв ее интимные стороны и дав ее картину, там, где пришлось охарактеризовать болезнь с ее сущностью, условиями развития и течения в то время или в дальнейшем, там чувствуется, что А.П. точно покатился по гладкой дороге, по рельсам, без усилий и без напряжений, в отличие от…. медиков, непривычных к живому изложению возникающих в сознании образов». Интересно предсказание, которое Чехов-студент дал больному: «Неврастеники, благодаря своей более сильной восприимчивости, более, чем здоровые, наклонны к различного рода заболеваниям…» [4].

Еще в годы учебы в университете стало складываться научное мировоззрение А.П. Чехова. На протяжении всей своей жизни он выступал против лженаучных тенденций в искусстве и науке. Писатель-врач сумел с исключительным реализмом нарисовать внутренний мир тяжелобольного, вскрыть связь между мировоззрением больного и восприятием им своего болезненного состояния. Чехов неоднократно выдвигал мысль, что писатель, знающий естественные науки, имеет ряд преимуществ перед тем писателем, для которого эта отрасль человеческих знаний закрыта. Несомненное влияние на естественно-научный метод Чехова имело его знакомство с эволюционным учением Ч. Дарвина. Именно с этим учением связаны темы некоторых ранних произведений писателя. Так, в «Письме к ученому соседу», первом печатном произведении автора, российский обыватель пишет: «Вы изволили сочинить, что человек произошел от обезьянских племен мартышек, орангуташек и т.п. Если бы человек, властитель мира, умнейшее из дыхательных существ, происходил от глупой и невежественной обезьяны, то у него был бы хвост и дикий голос» [5].

Следует отметить, что в период учебы Чехова в университете отмечался расцвет биологии и клинической медицины, что, несомненно, отразилось на развитии его мировоззрения. Микробиологи во главе с Л. Пастером, Р. Кохом и И. Мечниковым вели наступление на инфекционные болезни. Физиолог Иван Сеченов распространил понятие рефлекса на душевную жизнь человека. Чехов в унисон с Сеченовым писал: «…Психические явления поразительно похожи на физические, что не разберешь, где начинаются первые и кончаются вторые». В эти же годы в недрах научной школы, возглавляемой С.П. Боткиным, изучались физиологические механизмы, объединяющие разрозненные клетки и органы в неделимый организм. Боткин выступал за врача-естествоиспытателя, который основывает свои заключения на большом количестве научно наблюдаемых фактов. А.П. Чехов был знаком с его научными трудами и считал, что « в русской медицине он тоже самое, что Тургенев в литературе…(Захарьина я уподобляю Толстому) – по таланту». На данную точку зрения наложил отпечаток факт, что Боткин жил в Петербурге и Чехов знал его только по монографиям, а Г.А. Захарьин был непосредственным преподавателем Чехова на кафедре факультетской терапии (рис. 2).

Он постоянно сравнивал своих учителей в медицине с писателями, перед которыми преклонялся. Чехову импонировал доведенный Захарьиным до совершенства анамнестический метод исследования, заключающийся в тщательном расспросе больного о наследственности и условиях быта. Лекции Захарьина восхищали многих врачей. Однако, когда в 1889 г. вышло в свет их печатное издание, Чехов испытал разочарование: «…Нет той музыки, которую я слышал, когда был студентом». Скорее всего, именно Захарьина и его учеников имел в виду герой повести «Скучная история» университетский профессор Николай Степанович, когда говорил: «… Мои товарищи терапевты, когда учат лечить, советуют “индивидуализировать каждый отдельный случай”» [6]. Захарьин был не только колоритной фигурой во врачебном мире. Он выделил большие

суммы на организацию Музея изящных искусств при Московском университете (ныне Музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина).

Близкое знакомство с философскими и научными взглядами выдающихся ученых способствовало формированию у Чехова передового мировоззрения, поэтому и к вопросам медицины он подходил с прогрессивных позиций. «…Люди, которые способны осмыслить только частное, – писал Чехов Суворину в 1888 г., – потерпели крах. В медицине то же самое. Кто не умеет мыслить по-медицински, а судит по частностям, тот отрицает медицину. Боткин же, Захарьин и Пирогов, несомненно, умные и даровитые люди, веруют в медицину, как в бога, потому что доросли до понятия "медицина"» [7]. В «Скучной истории» А.П. Чехов писал: «Чувство свободы и личная инициатива в науке не меньше нужны, чем в искусстве». Главный герой этой повести профессор Николай Степанович говорит: «…испуская последний вздох, – я все-таки буду верить, что наука – самое важное, самое прекрасное и нужное в жизни человека, что она всегда была и будет высшим проявлением любви и что только ею одною человек победит природу и себя…».

После окончания медицинского факультета в июне 1884 года Чехов долгое время находился на перепутье между медициной и литературой. Изучение биографии писателя позволяет полагать, что в медицине его привлекала не только сугубо практическая сторона, но и научно-исследовательская работа. На последнем курсе университета и в первый год врачебной практики А.П. Чехов предпринял попытку научного исследования в области истории медицины. Эту работу он не афишировал, и только в 1930 г. Н.Ф. Бельчиков нашел в архивах писателя рукопись диссертации под названием «Врачебное дело в России» [8]. Чехов хотел отразить в работе историю врачевания с древнейших времен. Для этих целей он обратился к летописям, фольклорным материалам, книгам по истории России. Чехова интересовало все, что могло пролить свет на жизнь России древних и средних веков, ее нравы и обычаи, применявшиеся тогда врачебные средства. В перечне литературы – 112 названий. В этой до конца не доведенной работе Чехов показал, как с помощью медицинского диагноза можно найти ключ к решению одной из исторических загадок. Изыскания привели его к убеждению, что Лжедмитрий был действительно самозванцем и вот почему. «У настоящего царевича Дмитрия была наследственная падучая, которая была бы и в старости, если бы он остался жив. Стало быть, самозванец был и в самом деле самозванцем, так как падучей у него не было. Сию Америку открыл врач Чехов». Хотя диссертация так и не была написана, опыт научной работы пригодился при работе над «Сахалином». Среди причин прекращения работы, очевидно, было то, что тема оказалась слишком широкой и была связана с историческими архивными изысканиями, к которым Чехов не был склонен.

Весной 1884 г., успешно выдержав выпускные государственные экзамены, А.П. Чехов устроился на работу в Чикинскую земскую больницу, возглавляемую доктором П.А. Архангельским. Одновременно с работой в Чикино А.П. Чехов принял на себя заведование земской больницей в Звенигороде. Главная проблема, волновавшая его не один год, – чему посвятить себя: врачебному делу или писательскому – на время была решена в пользу медицины. На дверях квартиры появилась дощечка с надписью: «Доктор А.П. Чехов», а литература отошла на второй план. Никто из друзей, окружавших в то время молодого врача, не разглядел в его ранних рассказах талантливого писателя. В этом смысле примечательно высказывание В.А. Гиляровского, что только «Каштанка» и «Степь» открыли ему глаза на истинное значение Чехова в русской литературе [9]. Однако, работая земским врачом, Антон Павлович оставлял литературу, хотя на протяжении двух лет уделял ей только несколько часов в день. Проницательнее многих оказался один из старейших русских писателей Д.В. Григорович, который сумел разглядеть в Чехове настоящий талант. Ободренный Григоровичем, Чехов больше времени будет уделять литературному творчеству, поняв, что оно является его истинным призванием. Однако А.П. Чехов не сменил одну профессию на другую, как это сделали, например, Франсуа Рабле и Ф. Шиллер. Он до последних дней жизни сохранил тесную связь с врачебной профессией.

Пик медицинской деятельности А.П. Чехова приходится на мелиховский период его жизни (1890-е годы). В то же время, это и один из наиболее значительных и плодотворных этапов в творческой биографии писателя. Усадьба превратилась в амбулаторию, куда приходили пациенты из всех окрестных деревень. Профессия врача завоевала ему сердца крестьян, без этого мы не узнали бы ни «Моей жизни», ни «Мужиков», ни «В овраге».

Чехов дорожил званием врача: «…Когда-нибудь убедятся, что я, ей-богу, хороший медик», – заметил он в беседе с писателем В.И. Немировичем-Данченко, братом одного из основателей МХАТа [9]. Вызванное резким ухудшением здоровья в 1897 г. прекращение регулярной медицинской практики было для него, по его признанию, крупным лишением. Когда Российская академия наук

Рис. 1. А.П. Чехов (1860–1904).

избрала А.П. Чехова почетным членом, он написал жене О.Л. Книппер: «Хотел я сначала сделать тебя женою почетного академика, но потом решил, что быть женою лекаря куда приятнее…» [10].

Врач проявлялся во многих его рассказах и очерках, даже не имеющих никакого отношения к медицинской тематике. Так, кляксы у него на бумаге – вовсе не кляксы, а следы коховских запятых, микрококков и другой нечисти, свивших гнездо в чернильнице. В путевом очерке «Из Сибири» он сравнивает первоклассного кузнеца, осматривающего сломанный тарантас, с хорошим врачом-практиком, которому скучно лечить неинтересную болезнь. И. Эренбург был прав, считая, что не знай Чехов тревоги за жизнь больного, не испытай он сознания собственного бессилия помочь, ему труднее было бы понять и передать жизнь своих героев [11]. А.И. Куприн в статье, посвященной памяти своего старшего друга писал: «… Если бы Чехов не был таким замечательным писателем, он был бы прекрасным врачом» [12].

В канун XX в. А.П. Чехову был пожалован орден Святого Станислава III степени. Тем же «высочайшим указом» его произвели в потомственные дворяне. Однако «милость» Николая II не встретила резонанса в душе писателя, и ни в одном из писем к друзьям или родным он не считал нужным сообщить об этом факте.

Рис. 2. Г.А. Захарьин (1829–1897). Основатель московской терапевтической школы.

Рис. 3. А.П. Чехов и Л.Н. Толстой. Гаспра, 1901 год.

Ни перед чем А.П. Чехов так не преклонялся, как перед достижениями научной мысли, за которыми постоянно следил. Даже в «Палате №6», показывая чудовищную атмосферу рагинской больницы, писатель напоминает, что эта средневековщина существует в период бурного расцвета медицины. Чехов активно выступал против профанации науки, и в этом он солидарен с К.А.Тимирязевым.

Антон Павлович ценил Тимирязева не только как сторонника Дарвина и авторитетнейшего учителя – «главаря ботаников» (как он его называл), но и как блестящего популяризатора науки. Незадолго до смерти Чехов писал: «Тимирязев, человек, которого….. я очень уважаю и люблю» [13].

Писатель всю жизнь выступал против тех, кто вольно или невольно принижал науку. В этих случаях он не смотрел ни на чины, ни на ранги. Досаду Чехова вызывает пренебрежительное отношение Л.Н. Толстого к естественным наукам. Антон Павлович очень любил великого писателя: «Я боюсь смерти Толстого, – писал он. – Если бы он умер, то у меня в жизни образовалась бы большое пустое место. Я ни одного человека не любил так, как его….» (рис. 3).

Но когда речь шла об идеологии или отношении Толстого к науке, в особенности к естествознанию, Чехов был беспощаден: «Толстой трактует о том, чего не знает и чего из упрямства не хочет понять. Так, его суждения о сифилисе, воспитательных домах….. и проч. не только могут быть оспариваемы, но и прямо изобличают человека невежественного, не потрудившегося в продолжение своей долгой жизни прочесть две-три книжки, написанные специалистами» [14]. С чеховскими мыслями перекликается высказывание И.И. Мечникова: «Толстой не дал себе труда ознакомиться со многими научными вопросами, относительно которых он часто высказывает очень резкие и совершенно неверные суждения (например, о дарвинизме, о бесполезности исследований о протоплазме и о многом другом)» [4]. Писатель радовался, что естественные науки, которых не знал и не любил Толстой, делают теперь чудеса, «они могут двинуться, как Мамай, на публику и покорить ее своею массою, грандиозностью».

В 1897 году, когда А.П. Чехов с легочным кровотечением лежал в клинике Остроумова, его навестил Л.Толстой. Посещение великого классика, несомненно, было ярким эпизодом в жизни писателя. Однако, рассказывая в письмах об этой встрече, Чехов больше пишет не о самом Толстом, а о его философско-религиозной идеологии: «Говорили о бессмертии. Он признает бессмертие….. полагает, что все мы (люди и животные) будем жить в начале (разум, любовь) сущность и цель которого для нас составляет тайну. Мне же это начало или сила представляется в виде бесформенной студенистой массы, мое я – моя индивидуальность, мое сознание сольются с этой массой – такое бессмертие мне не нужно, я не понимаю его» [15]. Антон Павлович ценил в Толстом великого художника и отвергал его как философа и проповедника «нового евангелия». Решать все текстом из евангелия, – говорил он о «Воскресении», – это совершенно произвольно: «Почему текст из евангелия, а не из Корана? – спрашивал Чехов. – Надо сначала заставить уверовать в евангелие, в то, что именно оно истина, а потом уж решать все текстом» [15]. Он не понимает, почему должны воевать анатомия и изящная словесность, которые «имеют одинаково знатное происхождение, одни и те же цели, одного и того же врага – черта…» [14]. Известно шутливое определение Чехова, что медицина – это законная жена, а литература – любовница. Но это был тот редкий случай, когда любовная связь не наносила ущерба законному союзу.

А.П. Чехов проявил поразительные для своего времени познания в причинах происхождения ряда заболеваний. В этом плане интерес представляют его высказывания о болезни друзей, страдающих заболеваниями сердца. Так, в письме к художнику И. Бразу (от 4 апреля 1897 г.), сообщая о состоянии здоровья И. Левитана, Антон Павлович пишет: «… У него расширение аорты у самого устья, при выходе из сердца, так что получилась недостаточность клапанов» [16]. Эти строки свидетельствуют, что Чехов разбирался в диагностике пороков сердца. Понимая серьезность заболевания Левитана, он советовался о его болезни с А. Остроумовым, восхищался мужеством и жизнелюбием художника. Ведь именно в последние годы жизни тяжелобольной живописец создал такие жизнеутверждающие полотна, как «Март», «Золотая осень», «Свежий ветер», «Озеро», а за несколько месяцев до смерти (в декабре 1899 г.) он навестил в Ялте Чехова и нарисовал на камине лирический этюд – лунную ночь во время сенокоса. Анализируя состояние здоровья своего друга писателя Д.В. Григоровича, Чехов отмечал: «…от волнения у него приключился жесточайший припадок грудной жабы. Он невыносимо страдал, метался, стонал…». В приведенном отрывке показана связь приступа стенокардии с эмоциональным напряжением. Чехов рассматривает стенокардию у Григоровича как проявление «атероматозного процесса». Рассказывая об этой болезни А.С. Суворину, он отмечал, что артерии теряют свою эластичность вследствие того, что их стенки делаются с течением времени жировыми или известковыми. Достаточно хорошего напряжения, чтобы такой сосуд лопнул. «Так как сосуды составляют продолжение сердца, то обыкновенно и само сердце находят перерожденным. Само сердце питается скудно, а потому и сидящие в нем нервные узлы болят, – отсюда грудная жаба». Известный терапевт Г.А. Шульцев, анализируя эти высказывания А.П. Чехова, подчеркивает, что термин «атероматозный процесс», жировое перерождение

артерий был применен Чеховым на 6–7 лет раньше, чем он вошел в широкий врачебный обиход [17]. А один из основоположников советской хирургии акад. С. Юдин среди выдающихся деятелей отечественной медицины, воспитанных в стенах Московского университета – профессоров Н.И. Пирогова, С.П. Боткина, И.М. Сеченова, назвал и доктора А.П. Чехова [9].

Свои знания в области болезней сердца писатель Чехов использовал при создании литературных произведений. В «Скучной истории» он изобразил профессора, страдающего грудной жабой, в «Расстройстве компенсации» – помещика, больного пороком сердца. Известно также, что А.П. Чехов консультировал А.И. Куприна, когда тот работал в Ялте над рассказом «В цирке». Патология сердца у героя этого рассказа описана с научной точностью.

Медицинские, естественно-научные знания, несомненно, обогатили творчество Чехова-писателя, позволили глубже проникнуть в психологию литературных героев. Хотя сам он и отмечал, что изображает больных лишь постольку, поскольку они являются характерами, в его произведениях можно встретить персонажей, страдающих самыми различными заболеваниями. Мало кто из писателей и ученых проникал так глубоко, как А.П. Чехов, в сложную сущность человеческого страдания.

К. Паустовский, оценивая влияние профессии врача на творчество А.П. Чехова, писал: «То, что Чехов был врачом, не только дало ему знание людей, но сказалось и на его стиле. Если бы Чехов не был врачом, то, возможно, он бы не создал такую острую, как скальпель, аналитическую и точную прозу» [9]. Некоторые его произведения (например, «Палата №6», «Скучная история», «Попрыгунья» и другие) написаны как образцовые психологические диагнозы. Возникает ассоциация, что рассказы Чехова написаны не на обычной бумаге, а на рецептурных бланках. Таковы в них концентрация сюжета и мощь воздействия на сердце читателя.

По воспоминаниям современников особый интерес Антон Павлович проявлял к психиатрии и, если бы не стал писателем, то, скорее всего, стал специализироваться в этом разделе медицины. В те годы, когда Чехов учился в университете, преподавание невропатологии и психиатрии не разделялось. Эти дисциплины читал А.Я. Кожевников, с деятельностью которого связано развитие психиатрической науки в России. Последователем А.Я. Кожевникова был С.С. Корсаков. Талантливый ученый, проживший всего 46 лет, стал основоположником современной психиатрии, одним из тех, кто ввел в эту науку принцип глубокого клинического подхода. Чехов, очевидно, знал С.С. Корсакова, который с 1887 года читал самостоятельный курс психиатрии, и был знаком с его первой книгой, составленной по лекциям, читанным в университете. Факт приобретения после выхода в свет второй книги С.С. Корсакова (1893) свидетельствует о том, что писатель следил за трудами этого ученого.

Известно, что Чехов еще в начале своей литературной деятельности уделял много внимания психиатрии, потому что из всех медицинских наук она наиболее приближала врача к вопросам психологии и философии. «Познание самого себя, – говорил Корсаков, – познание высших духовных свойств человека – было всегда одним из самых глубоких стремлений мыслящих людей, а психиатрия дает больше других отраслей медицины материал для этого. Психиатрия своей близостью к психологии и философским наукам чрезвычайно способствует повышению общего миросозерцания врача, дает более правильное понимание важнейших проявлений индивидуальной и общественной жизни, повышает просветительное влияние врача на окружающую среду» [18]. Эта точка зрения Корсакова полностью соответствует мыслям Чехова, которые он излагал в письмах. Антон Павлович неоднократно говорил о своем большом интересе ко всему, что касается психической деятельности человека. «Если бы я не сделался писателем, – говорил он, – вероятно, из меня вышел бы психиатр». Свои знания из области психиатрии Чехов черпал не только в специальных трудах, но и в наблюдении над больными. В письме к А.С. Суворину у него есть следующие строки: «Больных много, но все это материал для психиатра, а не для психолога» [14]. Эти строки отражают взгляд Чехова на то, как он преломлял свои медицинские знания в творчестве. Для того, чтобы изобразить болезнь, надо быть эрудированным в этой области человеком, однако изображение страдания, в частности психических пациентов, не может быть самоцелью писателя. Чехов считал, что больной может быть выведен в литературном произведении, только если он является характером. По его мнению, характер человека в значительной степени зависит от темперамента или, как говорил позже И.П. Павлов, – типа высшей нервной деятельности.

Посмотрим, как справился с вопросом о темпераментах и как его художественно преломил А.П. Чехов. Например, в своей работе, говоря о темпераментах, Корсаков писал: «Сангвиник – человек быстро соображающий и действующий, но слабо чувствующий». Чехов отмечал: «Сангвиник – все впечатления действуют на него легко и быстро. В молодости он малыш и плутишка. Будучи легкомысленен, либерален, или читает запоем, или же

вовсе не читает. Постоянен в своем непостоянстве». У Корсакова – «Холерик – человек, быстро соображающий, энергичный, сильно чувствующий» [18]. У Чехова – «Холерик – раздражителен, шуток не понимает. Все терпеть не может. Как муж и приятель – не возможен. Как начальник не выносим и весьма не желателен». Кстати, медицинский термин «психопат», появившийся в конце прошлого века и обозначающий пограничные с патологией расстройства нервной деятельности, распространился среди непрофессионалов благодаря творчеству Чехова, на что указывает в журнале «Невропатология и психиатрия» в 1958 г. О.В. Кербиков [19]. В рассказе «Психопаты» Антон Павлович дает научную характеристику этого состояния, выделяя такие свойства характера психопата, как мнительность, трусость, беспредметный страх.

В дальнейшем своем творчестве Чехов действовал еще и как скульптор. Задумав вылепить определенный человеческий характер, он выбирал соответствующий ему материал. Так, для того, чтобы создать запоминающийся образ «Душечки», писателю понадобился слабый, меланхолический, тормозной тип женщины, для которой, по словам И.П. Павлова, «...каждое явление жизни становилось тормозящим ее агентом». Образы чеховских героев не потеряют свою сатирическую силу, если мы глубже вникнув в творческую лабораторию Чехова, увидим, что лепка литературных характеров была весьма сложным процессом, в котором участвовал в равной мере художник и врач-мыслитель.

Рассказы А.П. Чехова лучше многих специальных журналов и книг показывают, какие медицинские проблемы занимали помыслы людей в начале XX века. Такая распространенная в наше время болезнь, как рак, упоминается всего в двух произведениях писателя. В «Попрыгунье» доктор Дымов вскрывает труп больного злокачественной анемией и находит у него рак поджелудочной железы. Более подробно онкологическая больная показана в повести «Три года». Это связано с тем, что в век Чехова онкология находилась в зачаточном состоянии: не рак «делал погоду» в статистике смертности населения. Значительно чаще, чем рак, в произведениях писателя упоминаются чахотка, туберкулез. Интерес к туберкулезу нельзя объяснить только тем, что сам Чехов был болен этой болезнью. Достаточно вспомнить погибшую от чахотки Марусю Приклонскую из рассказа «Цветы запоздалые», который он написал, когда был еще здоровым. Интерес Чехова к туберкулезу обусловлен, прежде всего, тем, что чахотка в то время была самым распространенным заболеванием и занимала первое место среди причин смерти. Даже эпидемия холеры 1892 г., в ликвидации которой участвовал врач Чехов, унесшая в России около 300000 жизней, наделала меньше бед, чем ежегодно приносил туберкулез.

В 1890 г. А.П. Чехов, превозмогая болезнь, едет на Сахалин и проделывает там большую научно-исследовательскую работу. Он побывал почти во всех населенных пунктах и познакомился с жизнью ссыльных. Чехов говорил, что материала, собранного на Сахалине, «хватило бы на три диссертации», хотя понимал, что некоторые существенные стороны сахалинской действительности были от него скрыты. Он привез из поездки более 10 тысяч статистических карт, позволивших провести глубокое медико-социологическое исследование. Особое значение Антон Павлович придавал материалам переписи детского населения. В архиве хранится 2122 статистические карты, в которых зафиксированы малолетние обитатели острова [20]. Вернувшись домой, Чехов пытается хоть немного помочь детям Сахалина: собирает по подписке деньги, посылает на остров учебные пособия, хлопочет об открытии приютов. Полученные данные позволили ему сделать важный вывод о том, что основной причиной смерти ссыльных на острове является туберкулез легких. Лечение же в тюремном лазарете превращается в профанацию медицины: врач должен ставить диагноз, не прикоснувшись к больному, так как между ним и пациентом преграда из деревянной решетки. Над «Сахалином» Чехов работал долго. Книге он придавал серьезное значение и высказал предположение, что за нее ему могут присудить степень доктора наук. Однако в этом Чехову было отказано. Декан медицинского факультета, к которому обратился проф. Г.И. Россолимо, не пожелал разговаривать на эту тему. Дело было не в том, что на научную степень претендовал не только врач, но и автор «легкомысленных» рассказов. Присуждение ученой степени автору «Острова Сахалина» означало бы официальное признание крамольной книги, а вместе с тем – существование чудовищных условий жизни, которые в ней описаны. Книга Чехова все же сделала свое дело – потрясла читающую публику, возбудила интерес общества к Сахалину. Царское правительство вынуждено было произвести некоторые реформы в положении ссыльных.

А.П. Чехов, создавший галерею портретов врачей самых разных специальностей, редко обращался в своем творчестве к образу хирурга и ни разу не показал хирурга во время операции. Однако писатель сыграл исключительную роль в развитии научной хирургической мысли, приняв активное

участие в издании хирургического журнала. В 1896 г. из-за отсутствия кредита прекратил существование московский журнал «Хирургическая летопись». Именно Чехов дал журналу новое имя «Хирургия» – краткое, простое, выразительное, как все чеховские названия. Он также взял на себя хлопоты о поисках субсидий для спасения журнала. За 18 лет существования на страницах нового журнала было опубликовано 1605 работ по различным разделам хирургической науки и практики.

Однако болезнь делала свое дело. В 40 с небольшим лет писатель чувствовал себя на самом краю жизни, но долгие годы он не называл свою болезнь страшным словом – чахотка. Доктор Чехов понимал, что длительное лечение потребует коренной перемены образа жизни, и в то же время скептически относился к возможности полного выздоровления. «Лечиться я не буду», – категорически заявлял он, и почти 13 лет избегал врачебного осмотра, чтобы не услышать подтверждение диагноза, выставленного им самим. Подобно тому, как профессор Николай Степанович из «Скучной истории» не рискует подвергать себя осмотру врача, чтобы по выражению лица своего коллеги, даже если ему не скажут правду, не прочитать приговор и не лишиться последней надежды. Чтобы не огорчать родственников и друзей, он скрывает правду о своей болезни и остается с ней один на один на протяжении многих лет. Как врач, Чехов знал, что жизнь его будет коротка, но делал все возможное, чтобы сократить ее еще больше. Отправляясь на Сахалин, он понимал, что эта поездка угрожает его жизни. Чехов совершенно не считался с собой, со своим состоянием. Даже в последний (ялтинский) наиболее тяжелый для него период жизни Антон Павлович продолжал заботиться о приезжающих в Ялту чахоточных бедняках. Воззвание писателя «На помощь умирающим!» облетело Россию. Удалось собрать около 40 тысяч рублей. А.П. Чехов сам добавил еще 5 тысяч и купил дом, который начали перестраивать под санаторий. Словно про себя Чехов написал в «Рассказе старшего садовника»: «… У него самого была чахотка, он кашлял, но, когда его звали к больному, забывал про свою болезнь, не щадил себя и, задыхаясь, взбирался на горы, как высоки они не были…».

От чеховских времен до периода использования стрептомицина и других препаратов, совершивших перелом в судьбе туберкулезных больных, должно было пройти еще полвека. Доктор Чехов сопротивлялся болезни, понимая, что может быть упущено что-то важное. Иногда он даже шутил над своим здоровьем и подписывался под некоторыми письмами «Ваш калека» вместо «Ваш коллега». А за несколько лет до смерти, уже тяжелобольной, послал своему издателю телеграмму, в которой написал, что вряд ли проживет более 80 лет. Этим сообщением он напугал издателя, так как по контракту раз в пять лет писатель должен был получать солидную надбавку гонорара.

Каждый из аспектов биографии Чехова мог составить целую жизнь – писателя, врача, ученого, общественного деятеля. Он уходил от болезни, от мысли о ней в труд, находя в нем оправдание своей жизни. Короткая жизнь А.П. Чехова созвучна его крылатой фразе: «В человеке все должно быть прекрасно…».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Измайлов АА. *Чехов (1860-1904). Биографический набросок.* М., 1916; 5-192

2. *Врачи, окончившие курс в Московском университете в 1884 г.* 1884-1899. М., 1900; 12

3. Федоров ИВ. Кураторские карточки студента Чехова. *Клин мед* 1960; (1): 148-153

4. Россолимо ГИ. Воспоминания о Чехове. В: *Чехов в воспоминаниях современников*. М., 1952; 496-505

5. Меве ЕБ. *Медицина в творчестве и жизни А.П.Чехова.* Мед.изд. УССР, Киев, 1961; 286

6. Меве ЕБ. Повесть А.П. Чехова «Скучная история» и прототип ее героя (К 100-летию со дня рождения А.П.Чехова). *Советское здравоохранение* 1960; (1): 58-63

7. Семенова СГ. Мир Чехова: Философский абрис. М., 2010; (4): 161-179

8. Бельчиков НФ. Неизвестный опыт научной работы Чехова. В: *Чехов и его среда*. Академия, Л., 1930; 105-133

9. Шубин БМ. *Доктор А.П.Чехов*. Знание, М., 1977; 5-128

10. Книпер-Чехова ОЛ. Последние годы. В: *Чехов в воспоминаниях современников*. М., 1952; 506-513

11. Эренбург ИГ. *Перечитывая Чехова. Собрание соч. в 9-ти томах*. М., 1965, 6: 131-194

12. Куприн АИ. Памяти Чехова. В: *Чехов в воспоминаниях современников*. М., 1952: 400-427

13. Федоров ИВ. А.П.Чехов и К.А. Тимирязев (к истории их взаимоотношений. Совместный поход за науку). *Наука и жизнь* 1944; (9): 21-22

14. Чехов М. *Биографический очерк (1890-1891). Письма А.П.Чехова*. М., 1913; III: III-XII

15. Чехов М. *Биографический очерк (1890-1891). Письма А.П.Чехова*. М., 1916; V: V-XV

16. Зильберштейн ИС. Письмо Чехова от 4 апреля 1897 г. художнику И.Э. Бразу. *Огонек* 1960; (4): 10

17. Шульцев ГП. Чехов о грудной жабе. *Клин мед* 1960; 38(1): 142-144

18. Корсаков СС. *Курс психиатрии*. М., 1901: 94

19. Кербиков ОВ. Проблема психопатий в историческом освещении (Судебные процессы 80-х годов и учение о психопатиях в отечественной медицине). *Журн невропатол и психиатр им. С.С. Корсакова* 1958; (8): 995-1006

20. Бахтиярова ЛР. О поездке А.П.Чехова на остров Сахалин. *Литература в школе: научно-метод журн* 2010; (5): 45-47

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию 28.12.2012 г.
Принята в печать 28.11.2013 г.